
ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

В. Б. Мелас

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРИЗНАНИЯ

Резюме: Статья посвящена феноменологическому исследованию признания и признанности. В статье представлены идеи автора, изложенные в статье «Признанность и Логос» [Мелас 2001]. Анализируя случаи признания писателя или художника, а также признания исторического или бытового факта, автор обнаруживает, что признание в этих случаях подразумевает присоединение к некоторой группе лиц, которые признают то же самое. Но при этом размер и состав группы, как и мотивы ее членов, остаются неопределенными, а само присоединение обычно не осознается. Важно отметить, что признание — это не языковая игра, а способ существования, основанный на предложении поддержки и ожидании помощи.

Ключевые слова: признание, признанность, общепризнанность, знание, готовность, знак, признак.

V. B. Melas

PHENOMENOLOGY OF RECOGNITION

Resume: The paper is devoted to the phenomenological research of recognition. It develops the authors ideas presented in the paper «Recognition and Logos» [Melas 2001]. By analysis a number of examples of recognition of a writer or an artist as well as recognition of historical or everyday facts the author discovered that the recognition in these example means nothing more than the addition to a group of people which recognize the same thing. But the size and the content of this group and the reasons of its members remain unknown. And the addition remains usually unconscious. It should be noted that the recognition is not a linguistic game but it is a being based on suggestion of a support and waiting of a help.

Key words: recognition, general acceptance, knowledge, readiness, sign, symptom.

1

Феномен признания играет весьма значительную роль в современном мире. В признании нуждаются художник и ученый, любящий человек и вновь образованное государство. От подсудимого требуют признать свою вину, от партнера — признать

Вячеслав Борисович Мелас, доктор физико-математических наук, профессор математико-механического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет.

Miatcheslav Melas, Dr. Hab., professor, Mathematics and mechanics faculty, Saint-Petersburg State University.

ошибку, а университеты добиваются того, чтобы их дипломы признавались в других странах. И, кажется, во всех европейских языках есть соответствующее слово. Например, в английском языке это *recognition*, во французском — *reconnaissance*, в немецком — *Anerkennung*. Давайте попытаемся разобраться в этом феномене.

Недавно в работе «Путь признания» Поль Рикер [Рикер 2010] обратился к помощи лексикографии, т. е. к известным словарям, чтобы проследить значения слова «reconnaissance». Если мы прочтем соответствующие страницы этой работы [Рикер 2010: 9–22], то убедимся, что спектр значений этого слова чуть ли не совпадает со спектром значений русского слова «признание». Обращение к словарю привлекательно своей легкостью (работа уже проделана) и видимой солидностью — можно сослаться на исследование профессионалов. Но это ненадежный путь.

Дело в том, что работа над словарем преследовала другие, нефилософские цели. Цель словаря — представить и с помощью различных примеров продемонстрировать, (по возможности) все значения слова, даже случайные и омонимичные. Так, в русском языке «признать» иногда означает «узнать» (например, так происходит в предложении «В этом человеке она признала [т. е. «узнала»] своего знакомого»). Использование этого значения в философском анализе весьма спорно. По крайней мере, оно нуждается в особом обосновании. Во всяком случае, у меня создалось странное впечатление, что Поль Рикер игнорирует проблему омонимов. В самом деле, рассмотрим такой пример: во французском языке слово «Assiette» имеет два значения: первое — «настроение», «расположение духа», и второе — «тарелка». Неужели это основание для создания теории, в которой объединялись бы понятия тарелки и настроения?

Но Поль Рикер значение «узнавание» кладет в основу всех своих построений. Другое ключевое для Рикера понятие «самопризнание». Однако признание, как мы покажем, всегда связано с другими людьми, а понятие «самопризнания» представляется некорректным. Ну не может человек признавать сам себя, а точнее, такого рода заявления не следует рассматривать в контексте философии признания. Они только омонимичны, т. е. совпадают по написанию, но их значение несопоставимо. Рикер берет за основу триаду (следуя основной схеме гегелевской философии): узнавание вещей — само признание — взаимное признание. За этим следует пересказ весьма интересных идей Декарта и Канта, Аристотеля, Гегеля, Ницше и Бергсона, а также ряда современных менее известных авторов. Но в силу того, что понятие признанности было нечетко определено и не обладает подлинным единством, собранные Рикером идеи мало связаны друг с другом. А теория длительности Анри Бергсона и теория обещания Фридриха Ницше (человек — это существо, способное обещать) не имеют, на мой взгляд, отношения к феномену признанности.

Философский анализ языка требует иной работы, а именно специально подобранных примеров для выявления наиболее характерных элементов признанности и ее скрытых смыслов. Я уже пытался провести такой анализ в работе [Мелас 2001], но некоторые и притом наиболее важные черты феномена признания остались незамеченными.

Рассмотрим феномен признания писателя. Скажем, я признаю Достоевского. Это может означать множество различных вещей. Например, что мне нравится этот писатель. Или, наоборот, он мне не очень нравится и я с ним во многом не согласен, но я считаю его идеи заслуживающими внимания. Все это более или менее лежит на поверхности. Но вот что требует дополнительного рассмотрения. Говоря, что я признаю Достоевского, я, возможно, не вполне осознанно, присоединяюсь к высокой оценке этого писателя, которую разделяет неопределенное, но, по-видимому, весьма значительное число людей. В самом деле, если я, скажем, читаю книгу неизвестного автора N и нахожу его интересным и талантливым, то я не буду говорить, что я признаю N, а скорее скажу, что мне удалось открыть нового писателя.

Итак, признание — это не открытие. Признание означает присоединение к мнению неопределенного количества людей. Что объединяет этих людей, каков их состав и каковы их мотивы, это мне остается неизвестным.

Рассмотрим иной пример. Я признаю какой-то факт. Например, существование секретных протоколов к пакту Молотова–Риббентропа. Я не видел эти протоколы, и, насколько мне известно, оригиналы не найдены. Но ход событий в 1939–1941 гг. заставляет меня думать о наличии каких-то секретных договоренностей. Однако абсолютной уверенности здесь нет и быть не может. И именно это позволяет каким-то группам лиц отрицать подписание таких протоколов представителями Германии и Советского Союза. При этом мотивы этих лиц могут быть различными. Тем не менее в акте признания акцентируется сам факт, а не группа лиц, которые придерживаются мнения, что этот факт достоверен. Но в любой момент времени имеется возможность сместить акцент и спросить: а кто и почему это утверждает? Возможность такого смещения базируется на возможности усомниться в достоверности факта. Если же речь идет о признании художника или писателя, мы можем только утверждать, что есть люди, которые их признают, так как в отношении к писателю или художнику нет никакой фактичности. И снова можно задать вопрос: а какие люди их признают и что они собой представляют, если признанность не является всеобщей, не является обще-признанностью?

Признавать писателя — значит признавать его произведения. Бытие литературного произведения заключается в том, что его издадут и переиздадут, читают и перечитывают, вспоминают и цитируют. Ссылаются на него в подходящих случаях. Но это невозможно без признания.

Конечно, писателя признаю я сам, и, значит, литературное произведение существует для меня (но при этом очень важно, что оно и для других тоже существует). Поэтому Гегель в своей «Феноменологии духа» [Гегель 1992: 93–123] совершенно справедливо помещает признание на уровень самосознания. Более того, Гегель также в связи с признанием упоминает и других, фиксируя: самосознания признают друг друга признающими друг друга. Здесь предметом для самосознания уже является

не инертная вещь, а другое самосознание. Однако то, что не два, а неопределенное число лиц вовлечено в ситуацию, так как признание имеет общественный контекст, остается в этом случае у Гегеля незамеченным (позднее в «реальной философии» Гегель исследует этот контекст, но в другом измерении), о чем мы скажем в разделе 5.

Но вернемся к литературному произведению. Признание означает поддержку. Читатели книги поддерживают автора не в последнюю очередь тем, что покупают его книги и убеждают других делать то же самое. Причем они обычно покупают книги не для того, чтобы поддержать автора, а потому, что им его книги необходимы. А издатели обычно издают книги в надежде получить прибыль. Поддержка оказывается невольной, непреднамеренной, и вытекает из признания как логическое следствие. Помимо финансового спонсирования читатели поддерживают автора морально — через интерес к его идеям, восхищение или даже преклонение перед его талантом. И также это, обычно, не благотворительность, а непосредственное чувство. И так, бытие произведения поддерживают его издатели и читатели. Собственно, оно и существует как произведение, а не как стопка бумаги, только благодаря их поддержке.

Отложим до раздела 5 дальнейшее обсуждение бытия признанного, или, вернее, признанности как формы бытия, и обратимся к соотношению признания и знания.

3

Слова «знание» и «признание» имеют общий корень. Но между их значениями есть и существенное различие.

Рассмотрим два предложения.

1) «Я знаю, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов».

2) «Я признаю, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов».

Второе предложение звучит нелепо. Я знаю это утверждение как математический факт и знаю его доказательство (или знаю, что он доказан), поэтому мне вовсе не нужно его признавать. Знание универсально и абсолютно. С ним невозможно спорить. Признание требуется тогда, когда строгое знание невозможно. Например, в случае свидетельских показаний в суде многие аспекты не допускают безоговорочной проверки. (Именно поэтому требуется состязательная процедура судебного разбирательства.) Но в конце концов нужно либо просто поверить свидетелю, либо, наоборот, не поверить и не принимать его показания во внимание.

Доверие есть одна из форм признания. Она характеризуется тем, что мы утверждения другого человека принимаем за истинные, руководствуясь своим положительным мнением о нем. Другие формы признания мы обсудим в разделе 5. Таким образом, наряду с общепринятыми категориями знания и мнения нужно ввести еще и категорию признания как мнения, разделяемого многими (при дальнейшей разработке этого понятия, которую мы здесь как раз и предпринимаем).

Различие между знанием и признанием можно прояснить через понятия знака и признака. Знание связано со знаком. В определенной мере знание заключается

во владении знаками, например, буквами родного или иностранного языка. Знак точно указывает на соответствующий предмет или действие. Тут можно иметь в виду дорожные знаки или знаки препинания. Знаки математических действий или знаки внимания.

Признание, в отличие от знания, больше полагается на признаки. Отличие признака от знака заключается в его неоднозначности. Признак говорит о сходстве или вероятности, но не является необходимым и достаточным условием. Например, признаки усталости или признаки приближения дождя могут нас обманывать.

Сближение признания с узнаванием, которое играет столь значительную роль в концепции Поля Рикера, с наших позиций можно истолковать следующим образом. Когда мы узнаем какую-то вещь, это, строго говоря, не та же самая вещь, так как со времени нашей последней встречи она (возможно, очень сильно) изменилась. Поэтому не исключена возможность подмены или имитации. И поэтому в узнавании вещи, так же как и в признании факта, есть неопределенность и риск.

4

Когда я признаю какой-то факт или положение вещей, или авторитет, я фактически вступаю в сообщество людей, которые делают то же самое. Здесь можно провести весьма содержательную аналогию с вступлением в какую-то организацию, например, в политическую партию. Членство в организации дает некоторые права и накладывает некоторые обязательства. Человек, вступающий в организацию, обязуется ее поддерживать в меру своих сил и рассчитывает на ее помощь в случае, если окажется беспомощным в какой-то конкретной ситуации. Здесь под поддержкой мы понимаем активные действия самого лица, которые обусловлены пониманием сложившейся ситуации, а помощь — это то, что требуется лицу, если оно не справляется с ситуацией и оказывается беспомощным. Не бывает крика о поддержке, но бывает крик о помощи. В отличие от организации размеры и состав группы людей, признающих некоторый факт или некоторую ценность, остаются неопределенными.

Сейчас многие люди оправдывают карикатуры на мусульманского пророка тезисом о свободе слова. Но когда один человек в шутку в юмористической программе назвал двух известных в мире тенниса сестер братьями, те же самые люди его осудили. Дело в том, что эти люди с пиететом относятся к известным спортсменам, но презирают чужих богов. Неформальная группа осуждает «чужих», т. е. людей, не согласных с ее принципами, и готова многое простить «своим». При этом такая группа никак не зарегистрирована, что обеспечивает анонимность и безопасность.

Бытие признанности основано на предложении поддержки и ожидании помощи. А помощь многих одному несопоставима с той поддержкой, которую может многим дать один. Поэтому очень часто признание — это крик о помощи, замаскированный под предложение о поддержке. Именно такое впечатление на меня произвела миллионная демонстрация в Париже в знак протеста против убийства авторов карикатур на мусульманского пророка.

Даже наличие у другого человека сознания, в целом похожего на мое собственное сознание, представляет собой теоретическую проблему. И это не просто умозрительное упражнение, а проблема, за которой стоят реальные трудности общения и взаимодействия. Эта проблема решается на основе признания. Но здесь нужно провести грань между общепризнанными фактами и положением дел и более специальными фактами, связанными с нашей жизнедеятельностью, относительно которых нет, а часто и не может быть полного согласия между всеми членами общества. Может быть и так, что общее согласие и не требуется. А возможно, что такое согласие желательно, но не осуществимо. Тогда мы ограничиваемся признанием некоторой группы лиц.

Именно этот случай, а не общепризнанность, является предметом данной работы. Здесь не лишним будет сказать, что Гегель под бытием-в-признанности (в своей системе нравственности [Гегель 1978]) понимает гражданский мир на основе общепризнанных ценностей. Поэтому его разработки, весьма ценные и интересные сами по себе, проходят мимо феномена группового бытия, который мы исследуем в данной работе и который соответствует базовой интуиции этого понятия в повседневном русском языке¹.

Мы никогда в точности не знаем, что думает по какому-то поводу другой человек и что он испытывает в тех или иных обстоятельствах, а можем только строить правдоподобные предположения. Но мы можем просто задать соответствующий вопрос и поверить в рассказ нашего партнера. Если он искренне поведал нам о том, что он испытывает, мы будем в точности знать о его состоянии (каким он его себе представляет). Но собеседник может вольно или невольно обмануть нас. Поэтому взаимное доверие открывает новую сторону бытия, недоступную никаким другим способам, но подверженную риску и подозрениям.

Вернемся на минуту к примеру с признанием писателя и посмотрим, какие еще черты признанности мы можем проследить на этом примере.

Акт признания писателя возникает в процессе знакомства с его произведениями или, по крайней мере, с отзывами о них и порождает бытие-в-признанности, т. е. готовность читать и перечитывать его произведения, обдумывать их и сопоставлять с собственным опытом, а иногда и жить ожиданием новых книг.

Давайте рассмотрим аспекты акта признания и бытия в признанности на других примерах. Акт признания в любви также возникает в ходе знакомства двух лиц и является только началом истории взаимоотношений. Бытие-в-признанности двух любящих, т. е. любовь, состоит в заботе друг о друге, а также об общем доме, о детях и родителях. К несчастью, любовь часто сочетается с ревностью и недоверием. Герой романов Марселя Пруста постоянно подозревает (и не без основания) свою возлюбленную в изменах. Подозрение является оборотной стороной доверия и если и не разрушает любовь полностью, то делает ее весьма мучительным переживанием. Характерно, что в этих случаях подозрение почти никогда не перерастает в полную уверенность.

---

¹ Общепризнанность — это и есть то «измерение» признания, которое исследует Гегель и о котором мы упоминали в разделе 2.

Еще один важный аспект любви — потребность признания не только того, кого любишь, но и других людей — родственников, друзей и просто знакомых. Так Сван (один из героев серии романов Марселя Пруста) упорно, но безуспешно пытался ввести Одетту в круг своих светских друзей.

Когда мы говорим о признании ошибки, то, конечно, речь идет именно о признании. Как заметил Блез Паскаль, сущность ошибки в том, что о ней не знают (это высказывание я нашел в книге [Рикер, 2010б: 27]). Если я знаю об ошибке, я постараюсь ее исправить, и для этого мне обычно не нужна посторонняя помощь. Но об ошибке нам говорят другие, и мы можем согласиться, т. е. признать ошибку, хотя и не полностью уверены, что это именно ошибка (а то и вовсе не считаем свое действие ошибкой, но вынуждены согласиться в силу сложившихся обстоятельств). Акт признания ошибки запускает процесс ее исправления, а если исправить невозможно, то мы приносим извинения и соглашаемся на компенсацию потерь. Здесь, как и во многих других случаях, следует заметить, что признание носит вынужденный характер: кто же любит и хочет признавать ошибки? К признанию в любви нас вынуждает невозможность любить в одиночку. Признание писателя также не прихоть, а дань не только силе таланта, но и давлению общего мнения.

Человек, подозреваемый в убийстве, признает вину под давлением улики или в надежде получить скидку в сроке наказания (даже если он вовсе и не виноват).

То есть признанность часто носит вынужденный характер, что несколько прямолинейно формулируется в ходячей фразе: нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Я говорю — «прямолинейно», поскольку вынужденный характер признания может восприниматься, например, как моральный долг, а не как прямое давление.

Бытие признанного или бытие в признанности есть особый род бытия. Беркли говорил, что быть — значит быть воспринимаемым. Но это только разновидность бытия, свойственная чувственно воспринимаемым предметам. Мартин Хайдеггер заметил, что под общим титулом бытия подразумеваются очень разные вещи. Например, слон в джунглях Африки «есть», и какой-то химический элемент на солнце тоже «есть» [Хайдеггер 2010]. Особенность бытия в признанности заключается в том, что это бытие поддерживается неопределенным множеством лиц, а без этой поддержки является, по существу, ничем. Признание научной концепции означает, что она войдет в общий корпус знания, передаваемого по традиции, и таким образом будет существовать длительное время.

Какими способами мы можем поддерживать другого человека? Мы можем отдать ему свой голос, если речь идет о выборной должности. Можем помочь деньгами из своих сбережений или путем сбора средств. Иногда требуется физическая помощь — поднять или перенести какую-то вещь, или забота, как, например, при уходе за больным.

Поддержать можно и простым согласием и громким одобрением. Улыбкой или словами поддержки. Но в крайних случаях это могут быть уличная драка или выход на демонстрацию. (Здесь мы не проводим различия между помощью и поддержкой, которое было существенно в разделе 4.)

Однако и простое уважение есть тоже форма поддержки. Отметим, что Иммануил Кант в своей «Метафизике нравов» отводит исключительно важную роль чувству уважения. Он пишет: «Все моральные взаимоотношения разумных существ, содержащие

в себе принцип согласия воли одного с волей другого, можно свести к любви и уважению...» [Кант 1995: 502]. Но мы говорим здесь об уважении в более узком смысле, согласно которому не каждый, а только достойный человек заслуживает уважения. Таким образом, мы можем поддерживать и людей, которые придерживаются взглядов, отличных от наших взглядов, при условии, что они уважают наши принципы.

6

Еще следует отметить видимую легкость акта признания. В самом деле, признавая что-то или кого-то, мы просто соглашаемся с чужим мнением. В этом плане признание очень сходно с готовностью.

Что такое готовность? Например, ракета на старте. Ее проектировали несколько лет, изготавливали и тестировали несколько месяцев. Она является результатом множества идей и огромного труда. Минутная готовность, десять секунд, пять секунд, старт. Другими словами, готовность — это такое состояние человека или предмета, им изготовленного, что достаточно простой команды для начала действия².

А что в случае с Достоевским? Я с интересом прочел несколько его романов и готов согласиться с тем, что он великий писатель. То есть сам по себе акт признания представляется делом несложным, но ему предшествует длительная подготовка.

Как готовность есть только особая стадия бытия некоторой вещи, так и признанность есть результат процесса, иногда весьма длительного. При этом то, что признается, также имеет особую историю. Писатель не сразу становится автором замечательных произведений. Факт признается после тщательного анализа или под влиянием убедительной риторики. Политическая партия, прежде чем получить поддержку избирателей, проходит длительный период становления. И влюбляемся мы всерьез только в состоявшегося человека.

7

«К чему ищу так славы я?» — спрашивает Михаил Юрьевич Лермонтов в одном из своих стихотворений. Кажется, мы теперь готовы ответить на этот вопрос.

Сущность поэзии в том, чтобы быть славной. Запоминаться, цитироваться, приходиться на ум в сложные минуты жизни. Блез Паскаль сообщает нам в своей знаменитой книге «Мысли», [Паскаль 1996], что значит быть поэтом. Поэт — это человек, о котором не говорят все, но как только речь пойдет о поэзии, то вспоминают именно его. «И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит» (А. С. Пушкин).

Сейчас модно цитировать Фридриха Ницше. В книжном магазине на Невском проспекте я насчитал 65 наименований его произведений (некоторые изданы неоднократно в различных форматах). Так вот в своей философской поэме «Так говорил Заратустра» Ницше отмечает: кто пишет кровью и притчами, тот хочет, чтобы его не читали, а заучивали наизусть.

² Подробнее о понятии готовности см.: [Мелас 2005].

Слава — это способ бытия человека или произведения искусства, заключающийся в чрезвычайном внимании. Героям знаменитых романов стараются подражать, а детям дают их имена. Чуть ли не половину девочек в России называют именами Татьяна и Наталья. Слава — это особый вид признанности.

8

«Самосознание есть для самосознания. Лишь благодаря этому оно в самом деле есть, ибо лишь в этом обнаруживается для него единство его самого в его небытии». «Самосознание есть в себе и для себя потому и благодаря тому, что оно есть в себе и для себя для некоторого другого самосознания, т.е. оно есть только как нечто признанное» [Гегель 1992: 98–99]. Очень хорошо! Но Гегель не замечает тот факт, постоянно обсуждаемый здесь нами, что нечто признанное признано не одним и не двумя, но неопределенным количеством лиц. Это упущение имеет далеко идущие последствия. В знаменитой главе о господине и рабе Гегель делает такое же упущение.

Читая и перечитывая Гегеля, я всегда удивлялся, почему же раб остается рабом, а господин — господином, несмотря на красивую диалектику? На деле не просто господин дает команды рабу. За господином стоит рабовладельческое общество, члены которого раба признают рабом, а господина — господином.

Карл Маркс, по своему, восполняет этот пробел, вводя понятие классового сознания. Однако в его работах нет и малейшего намека на феноменологический анализ признания и его последствия. Поэтому и теория классовой борьбы оказывается слишком упрощенной и ангажированной. Например, Карл Маркс утверждает, что хозяин платит рабочему только прожиточный минимум. Но это утверждение нетрудно опровергнуть. С одной стороны, рабочий приходит со своей зарплатой на рынок, и, значит, косвенно предприниматель не заинтересован в чересчур низкой зарплате своих рабочих. А, с другой стороны, есть рынок рабочей силы, и рабочий может уйти к другому предпринимателю, который платит больше.

9

Но вот в чем правы классики марксизма. Представители группы принимают все ими признанное за истину и обычно не способны это осознать (у марксистов в качестве групп выступают только общественные классы). Маркс и Энгельс называют это идеологией. Правда, они делают исключение для самих себя и своих последователей. Обоснование этого обстоятельства классовыми интересами не выглядит убедительно (так как «интересы» не могут работать самостоятельно, а нуждаются в интерпретации). Подробную критику понятия «интереса» можно найти в книге Людвиг фон Мизеса «Теория и История» [Мизес 2013]. Мне представляются более убедительными следующие соображения.

Рассмотрим, как устроено доказательство в математике, науке, которая по обоснованности считается образцовой. В математике имеются аксиомы, которые общепризнаны, интуитивно очевидны и поэтому не нуждаются в доказательстве, и теоремы, которые выводятся из аксиом с помощью логически безупречных аргументов.

По видимости, то же самое происходит и в рассуждениях представителей группы. Но аксиомы здесь обычно точно не сформулированы и признаны только представителями данной группы. Точнее говоря, роль аксиом здесь играют лозунги и стереотипы, которые легко использовать в нужном для текущих целей ключе. А из них уже вполне логично выводятся нужные следствия.

Если говорить о нашем времени, я испытываю замешательство от бесчисленности подтверждений групповых претензий на истину в последней инстанции. Поэтому лучше рассмотреть известный пример из прошлого. В начале XX в. во Франции общество разделилось на сторонников и противников Дрейфуса. У Марселя Пруста³ можно найти замечательные примеры полной глухоты одних к аргументам других.

10

Давайте подведем итоги нашего исследования. Признание чего-либо или кого-либо — это некий способ присоединения к группе людей, которые признают то же самое.

Особенность признания по сравнению, скажем, с открытым вступлением в некоторую организацию, состоит в том, что в этом случае состав и мотивы людей, образующих группу, остаются, в значительной мере, неизвестными. Эта анонимность создает особый ореол истинности, в котором признание выступает под маской знания.

У людей, которые это признание не разделяют, возникает искушение «разоблачить» эту маскировку, но они зачастую просто заменяют ее своей. Вместе с тем признание — это способ существования (основанный на получении поддержки единомышленников). Поэтому «разоблачение» является неадекватной реакцией. Разоблачители сами должны быть разоблачены.

ЛИТЕРАТУРА

- Гегель 1978 — *Гегель Г. В. Ф.* Система нравственности / пер. с нем. Г. Г. Шпета // Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 289–367.
- Гегель 1992 — *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992.
- Кант 1995 — *Кант И.* Введение в метафизику / пер. с нем. Б. А. Фохта. СПб.: Наука, 1995.
- Мелас 2001 — *Мелас В. Б.* Признанность и Логос // Логико-философские штудии. 2001. Вып. 1. С. 97–115.
- Мелас 2005 — *Мелас В. Б.* Готовность и предварительное переживание // Логико-философские штудии. 2005. Вып. 3. С. 353–376.
- Мизес 2013 — *Мизес Л. фон.* Теория и История / пер. с англ. А. В. Куряева. М.: Социум, 2013.
- Паскаль 1996 — *Паскаль Б.* Мысли / пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.: Изд-во Сабашниковых, 1996.
- Пруст 2008 — *Пруст М.* Содом и Гоморра / пер. с фр. Н. М. Любимова. М.: Эксмо, 2008.
- Рикер 2010 — *Рикер П.* Путь признания: три очерка / пер. с фр. И. И. Блумберга, И. С. Вдовиной. М.: РОССПЭН, 2010.
- Хайдеггер 1997 — *Хайдеггер М.* Введение в метафизику / пер. с нем. Н. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997.

³ См. роман «Содом и Гоморра» [Пруст 2008].